

УДК 316.334.52(470.57)

А. А. БАИМБЕТОВ

СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РАМКАХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются актуальные проблемы социального управления развитием современного российского общества. В центре внимания находятся возможности использования теории и практики социального планирования в рамках действия рыночного механизма. На примере разработки мер социальной профилактики антиобщественных явлений и отклоняющегося поведения обосновывается не только возможность, но и необходимость комплексного решения проблем борьбы с негативными явлениями. *Социальное развитие; социальное планирование; системный подход; отклоняющееся поведение; социальное неравенство*

С середины 60-х годов одним из основных научных направлений работы кафедры и социологической лаборатории УАИ, возглавляемых проф. Н. А. Аитовым, стало изучение проблем управления социальными процессами в рамках социального планирования.

Как известно, планирование социального развития коллективов трудовых предприятий было впервые осуществлено в рамках ленинградского производственного объединения «Светлана» в 1966 году. И этот опыт получил широкое распространение по стране — от Москвы до Красноярска, Перми и Уфы. Но уже первые опыты планирования социального развития коллективов предприятий убеждают профессора Аитова Н. А. в том, что многие проблемы этих предприятий не могут быть решены вне рамок социально-территориальных общностей. И он впервые в стране выдвигает идею, а затем и реализует на практике возможности планирования социального развития городов и сельских районов.

В течение 1970–1980 гг. были разработаны планы социального развития практически всех городов Башкортостана (Нефтекамск, Белебей, Стерлитамак, Ишимбай, Учалы, Уфа), части сельских районов, а также городов Набережные Челны (Татарстан), Камышин (Волгоградск. обл.), Магнитогорск и Миасс (Челябинск. обл.) и др. Научные разработки уфимских социологов были высоко оценены в стране. Свидетельством тому явилось привлечение их к разработке Всесоюзных методик по планированию экономического и социального развития города — в 1977 г. и производственных коллективов —

1978–1980 гг., осуществлённых под эгидой ВЦСПС. В дальнейшем работы по планированию социального развития объектов различного уровня управления были не только продолжены, но и расширены. Результаты этих работ нашли отражение в работе «Методология и методика планирования социального развития коллективов промышленных предприятий, колхозов (совхозов), сельских районов, городов, областей и отраслей», вышедшей под эгидой советской социологической ассоциации в 1987 году, полностью подготовленной преподавателями кафедры под руководством проф. Н. А. Аитова [1].

Что же представляло собой планирование социального развития городов и каковы были его методологические и методические основы?

Социальное планирование городов предполагало определение целей социального развития и средств их достижения. В основе социального планирования лежал целостный подход, и планируемый объект рассматривался как динамичная социальная система, единое целое по отношению к частям, его составляющим. Применение целостного системного подхода позволяло учесть совокупность факторов, воздействующих на планируемые социальные процессы и явления, выявить взаимодействия и взаимовлияния их, противоречия в развитии социума, а затем найти пути и средства их разрешения. Применение целостного, системного подхода в социальном управлении и планирование открывает возможности комплексного решения рассматриваемых проблем в любом объекте

управления — от предприятия, района, города, региона и страны в целом. Рассматривая планирование социального развития объектов любого уровня управления (и города в том числе), применяли различные методы управления, особо выделяя не только прямые, но и косвенные методы воздействия, а также использование возможностей социального прогнозирования.

Попытаемся показать применение этих положений при разработке раздела «Укрепление правопорядка» в плане социального развития города.

Целостный, системный подход предполагает рассмотрение всей совокупности отклоняющегося поведения и антиобщественных явлений (преступности, различных асоциальных явлений — наркомании, пьянства, административных проступков и т. д.) как элементов асоциального поведения и антиобщественных явлений. Они рассматривались как единое целое потому, что имеют общие причины возникновения и развития, а также и потому, что теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. В то же время эти негативные явления связаны не только между собой, но и с процессами во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной. И эта связь носит не линейный характер, а характер взаимосвязи, т. е. на негативные явления оказывают влияние процессы, происходящие в сфере экономики, политики, социальной и духовной, и в то же время бурное развитие преступности, наркомании, пьянства и других асоциальных явлений тормозит развитие общества и всех подсистем, образующих социум. Для подтверждения этого тезиса обратимся к результатам исследований, полученных в ходе работ по социальному развитию Стерлитамака, Магнитогорска и Набережных Челнов. Посмотрим взаимосвязи между сбалансированностью половозрастной структуры, брачностью, разводами, с одной стороны, и преступностью несовершеннолетних, с другой стороны. Сопоставление по этим параметрам указанных городов позволяло выявить далеко не очевидные зависимости. Все три города — достаточно крупные промышленные центры, характеризующиеся высоким коэффициентом распада семей. В Стерлитамаке он был равен 0,280, в Магнитогорске — 0,253, в Набережных Челнах — 0,339. Совершенно очевидно, что в неполных семьях контроль за поведением детей значительно ниже, чем в полных семьях. А криминологи рассматривают детскую безнадзорность как одну из

важных причин преступности несовершеннолетних. Отсюда можно было предположить, что уровень преступности несовершеннолетних в городе Набережные Челны должен быть самым высоким. Но парадокс заключался в том, что фактически он оказался в 2 раза ниже, чем в городах Стерлитамак и Магнитогорск. Возник вопрос — что же общего есть между двумя этими городами? Общее между ними заключалось в резко выраженной диспропорции половозрастной структуры (превышение численности женщин фертильного возраста над мужчинами составляло 30 тысяч человек), в то время как в Набережных Челнах была практически идеально сформированная половозрастная структура. Из этого можно сделать несколько выводов:

1) Прослеживается зависимость между балансовой половозрастной структурой населения города и преступностью несовершеннолетних.

2) Решение проблем исправления дисбаланса требует применения не правовых, а экономических методов управления.

3) Пока диспропорция половозрастной структуры в рассматриваемых городах будет существовать — криминогенная обстановка в них постоянно будет напряжённой, а традиционно винить и взыскивать за это будут с руководителей правоохранительных органов, а не с представителей тех структур вертикального управления, которые своими управленческими решениями создали эту проблему.

Рассмотрим ещё один момент, связанный с результатами социологических исследований в рамках планирования социального развития городов. Общеизвестна связь, существующая между преступлениями и другими видами отклоняющегося поведения и употреблением алкоголя. Возникает вопрос, какой же фактор имеет наиболее существенное значение и является определяющим в социальной опасности употребления алкоголя — частота употребления; крепость спиртных напитков; возраст начала употребления спиртных напитков; продолжительность употребления и т. д. Результаты наших исследований дают нам основание утверждать, что все эти факторы имеют весьма существенное значение, но наиболее значимым является возраст, с которого лицо стало приобщаться к алкоголю. Мы выделили три группы лиц (среди доставленных в вытрезвитель и совершивших мелкое хулиганство), приобщившихся к спиртным напиткам в возрасте до 12 лет, далее с 12 до 16 лет и с 16 до 21 года. Раннее приобщение

к спиртным напиткам резко повышает социальную опасность этой категории лицу, которое проявляется в совершении асоциальных проступков и преступлений в будущем. Так, среди тех, кто приобщился к алкоголю в возрасте до 12 лет, число доставлений в вытрезвитель, привлечений к административной ответственности за совершение мелкого хулиганства в 2 раза превышало аналогичный показатель среди тех, кто стал выпивать с 12 до 16 лет, а применительно к лицам, приобщившимся к алкоголю в возрасте 18–21 года, — почти в 3 раза. Близки эти данные и к показателям привлечения рассматриваемой категории лиц к уголовной ответственности. Следовательно, если мы сможем отодвинуть возраст приобщения детей и подростков к алкоголю хотя бы на один–два года, то тем самым сможем снизить уровень социальной дезорганизации и девиантного поведения в управляемом объекте.

Совершенно очевидно, что в приведённых выше двух случаях связи между социальными отклонениями и половозрастной структурой населения и возрастом приобщения к алкогольным напиткам применение наиболее распространённых способов борьбы с отклоняющимся поведением практически невозможно. Говоря о наиболее распространённых системах борьбы с преступностью и другими правонарушениями, мы имеем в виду информационный подход, медико-биологический и метод применения санкций.

Информационный подход связывает нарушения социальных норм с незнанием их и потому во главу угла ставит необходимость максимальной информированности членов общества о наличии и сути существующих в обществе норм надлежащего поведения.

Медико-биологический подход предполагает необходимость учёта медико-биологических, психологических и иных характеристик личности нарушителя социальных норм, которые непременно должны быть учтены при оценке конкретных асоциальных фактов. Это требование вытекает из двойственной сути человека, т. е. его биологической и социальной сущности.

Применение санкций выступает как наиболее универсальный и распространённый метод борьбы с антиобщественными явлениями. Суть этого подхода заключается в применении к человеку карательных санкций за нарушение тех или иных социальных норм. Санкции носят устрашающий характер путём применения наказания в случае наруше-

ния этих норм. Применение санкций предполагает также и исправление нарушителя в процессе отбывания наказания. Традиционно ответственность за состояние правопорядка возлагается на правоохранительные органы, тем самым автоматически снимается с других субъектов управления ответственность за рост преступного и предпреступного поведения и различных форм других асоциальных явлений. Всё это создаёт иллюзию возможности решения проблемы укрепления правопорядка методами правового воздействия через повышение эффективности работы правоохранительных органов. Однако существует множество форм асоциального поведения, влияющих на преступность, но далеко выходящих за пределы компетенции правоохранительных органов.

В связи с этим мы предлагаем применять социально-профилактический подход, редко применяемый в борьбе с социальными отклонениями. Суть этого подхода заключается в рассмотрении антиобщественных проявлений как результата действия объективных причин, вызывающих нарушение социальных норм. Из социального характера этих причин вытекает и центральная идея этого подхода — социальная профилактика антиобщественного поведения путём нахождения таких мер воздействия, которые могут устранить либо нейтрализовать эти причины. При этом речь идёт о применении не прямых, а косвенных методов воздействия на асоциальные явления и отклоняющееся поведение, которые прямо не направлены на рассматриваемые явления, но могут иметь достаточно ощутимый социально-профилактический эффект. Например, в качестве таких мер воздействия могут рассматриваться управленческие решения по изменению дисбаланса половозрастной структуры населения управляемого объекта либо сдвига возраста приобщения несовершеннолетних к алкоголю на более поздние сроки.

Таковы были некоторые результаты планирования социального развития городов, выполненных под руководством проф. Н. А. Аитова. Последние десятилетия уже прошлого столетия можно характеризовать как полное забвение идей и практики планирования социального развития объектов любого уровня управления. Казалось, что возврата к нему не будет. Однако надежду на возрождение планирования социального развития городов дало принятие к реализации плана социального развития города Красно-

но не последняя работа в этом направлении в XXI веке в России. Но возврат социального планирования требует нового подхода, соответствующего новым реалиям современной жизни российского общества, теоретического осмысления возможностей использования социального планирования в рамках рыночных отношений.

Рассмотрение проблем социального планирования с неизбежностью требует обращения к сути понятия «социального развития», так как существует различное понимание содержания этой категории. Но раскрытие рассматриваемого понятия невозможно без анализа таких категорий, как «социальное», «социальные отношения», «социальная сфера» и «социальное развитие», тесно взаимосвязанных между собой.

Рассматривая понятие «социальное», отметим, что в социологии оно рассматривается как в широком, так и в узком смысле слова. Когда мы говорим о широком понимании «социальное», то имеем в виду равнозначное ему понятие «общественное», включающее в себя все виды общественных отношений, проявляющихся во всех сферах жизни общества — экономической, политической, социальной и духовной. И социальное определяется как совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений данного общества, «интегрированная в совместной деятельности (взаимодействии) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени и проявляющаяся в их отношениях друг к другу, своему положению в обществе, к явлениям и процессам в общественной жизни» [2, с. 689–690].

В рамках же социологии уже давно сложилось понимание «социального» и в узком смысле как отношений, складывающихся только в социальной сфере. При этом социальные отношения рассматриваются как отношения между группами людей и индивидами, которые занимают определённое положение в обществе, имеющее социальный статус и выполняющее социальные роли [3, с. 229]. При этом «содержательными элементами социального являются понятия равенства, справедливости, свободы» [2, с. 690]. Отсюда можно сделать вывод, что социальные отношения в обществе связаны с отношениями социальных общностей, больших социальных групп, социальных слоёв, страт и т. д. по поводу структурированного социального неравенства, существующего в социальной сфере и проявляющегося во всех других сферах жизни общества. Вычленение социальной сферы

вполне оправданно, так как она представляет собой относительно самостоятельную сферу жизнедеятельности общества, охватывающую отношения между социальными общностями, «внутри этих общностей, между отдельными личностями, занимающими разное положение в обществе и принимающими неодинаковое участие в его социальной жизни» [3, с. 352].

Столь подробное рассмотрение категории «социальное» оправдано тем, что Конституция РФ в ст. 7 провозгласила социальный характер государственного устройства России и признала высшей ценностью общества — человека, его права и свободы. Государство обязалось проводить такую социальную политику, которая «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4, с. 6]. Фактически речь идёт о том, во имя чего и для чего развивается государство и общество в целом, о социальном развитии.

В самом широком смысле социальное развитие определяется как «совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов, развивающихся в обществе» [3, с. 286]. Для нас же представляет особый интерес понятие социального развития в узком смысле, определяющее цели и задачи, стоящие перед социальным планированием. Социальное развитие рассматривается как процесс, в ходе которого «происходят количественные и качественные изменения в социальной сфере общественной жизни или отдельных её компонентах» [2, с. 624]. При этом социальное развитие не только рассматривается как социальный прогресс, но и выделяется возможность регрессивного развития. Источником социального развития любой направленности выступают социальные противоречия как проявления объективных законов общественного развития. При этом хотелось бы отметить, что в последние годы в научной социологической литературе не принято обращаться к объективным законам общественного развития. В частности, это относится и к закону планомерного, пропорционального развития общества. В ответ на доведение планирования в СССР до полного абсурда, когда из центра планировалось всё (от производства чугуна до количества гвоздей, необходимых к заводу в отдалённую деревню), ликвидирована плановая система развития страны. Сегодня реформы российского общества идут под лозунгом: «плановое ведение развития общества и рыночные отношения несовместимы». Всё это привело и к

тому, что планирование социального развития объектов различного уровня управления (трудовых коллективов, городов и регионов) свёрнуто и предано забвению, как не имеющее ни теоретического, ни практического значения. Обоснование отказа от планирования социального развития подкрепляется ссылками на отсутствие зарубежного опыта как такового. Однако мировой опыт свидетельствует и об обратном. За последние 20 лет Южная Корея сделала колоссальный рывок в своём развитии и вошла в число наиболее динамично развивающихся стран. Объясняя столь бурное развитие страны, президент одной Южно-Корейской компании выделил факт создания особого экономического механизма, суть которого заключается в сочетании плановых начал с рыночной экономикой. Особенность ускорения её развития заключалась в том, что не было стремления развивать в равной степени все отрасли экономики, а средства вкладывались в несколько важных наукоёмких отраслей, но при этом ставилась задача занять доминирующие позиции в мире [5]. И это далеко не единичный пример. Сошлёмся на опыт современного Китая, который за 20 лет достиг 4-кратного увеличения своего экономического потенциала и признан экспертами Всемирного банка и МВФ «наиболее стремительно развивающимся государством в мире», что было основано не на устаревших концепциях либералов чикагской школы (на идеях которых реформировалась Россия), а «на грамотной разработке стратегии реформ и профессиональном её воплощении». Этот результат связан с постепенным переходом от «командной экономики к рыночной при помощи государственных рычагов, что позволило избежать шока и хаоса». При этом было соблюдено важнейшее требование — «интересы широких масс не были принесены в жертву преобразованиям и реформы получили общественную поддержку», так как был обеспечен необходимый социальный минимум (забота о старых, защита здоровья нации и окружающей среды), т. е. была обеспечена социальная защита населения [6]. Так кто же продвинулся вперёд в своём развитии — названные страны либо Россия? Сопоставления рейтингов конкурентоспособности Китая, Южной Кореи и России явно свидетельствует о значительном отставании последней. Китай, имея 67,26 балла (из максимально возможных 100 баллов), занимает 41-е место в мире, Южная Корея 42-е место (64,47 балла) и Россия с 35,28 балла занимает 127-е место [7, с. 131–135]. Можно констатировать, что планирова-

ние не противоречит рыночным отношениям, так как любая малая или средняя фирма либо крупное монопольное объединение не могут осуществлять свою деятельность в современном мире при отсутствии бизнес-плана, стратегического планирования и стратегического контроля [8]. Представляется, что это и есть реализация объективного закона планомерного, пропорционального развития общества, требующего не стихийного, а сознательного управления. Это в полной мере относится и к планированию социального развития, под которым понимается «научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения» [9, с. 331]. Пока же можно констатировать, что десятилетнее «реформирование» России не только не принесло ощутимых положительных результатов для большинства населения, но ввергло страну в глубокий системный кризис, поразивший все сферы общественной жизни. Нам представляется, что одним из эффективных способов выхода из кризиса является возврат к научному управлению развитием общества и всех его подсистем, конкретно реализуемый в рамках социального планирования. Именно социальное планирование отвечает тем задачам, которые стоят перед страной — переходу к демократическому общественному устройству и обеспечению социально-экономических, политических прав и свобод каждой конкретной личности. Это обусловлено несколькими моментами:

1. Обращённость социального планирования к человеку, рассмотрение его как личности во всех его проявлениях. Такой подход определяет социальное планирование как вид управленческой деятельности, направленной на создание максимально благоприятных условий для развития личности, возможности реализовать себя. Следовательно, оно отвечает задаче обеспечения прав человека, гарантированных социальным государством во всех сферах жизни общества, начиная от обеспечения определённого уровня жизни своих граждан до удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Учитывая то обстоятельство, что в современной России, наряду с государственной собственностью и госпредприятиями, широко представлены и другие формы собственности (частная, акционерная, кооперативная и т. д.) и различные предприятия, то можно утверждать: рыночные отношения значительно расширяют воз-

возможности удовлетворения социально-экономических, политических и духовных потребностей членов общества. Не только государство, но и новообразования (субъекты, владеющие различными формами собственности) могут решать эти задачи в рамках программ социального партнёрства, включаемых в планы социального развития объектов различного уровня управления.

2. Такое внимание к человеку не случайно. Оно провозглашалось и в СССР, когда мы утверждали лозунг: «всё во имя человека, всё во благо человека», и в годы перестройки, когда призывали учитывать «человеческий фактор». К сожалению, нужно признать справедливость утверждения Ж. Т. Тощенко о том, что во многом не страны социализма, а страны капитализма в большей мере воплотили в жизнь «социальные идеи, создали предпосылки для свободы выбора и социальной защиты» [10, с. 442]. Теоретической основой использования человеческого фактора явилась школа «человеческих отношений», идеи которой нашли отражение в трудах Ф. Паркер, Э. Мейо, А. Маслоу, Маркгрегора и др. [11, 12]. Западные страны с развитой рыночной экономикой, накопили огромный опыт управленческого менеджмента в обеспечении успеха в сфере производства. Важнейшими составляющими такого успеха являются внимание и забота о «маленьком» и «большом» человеке, идея равноправия, демократичных отношений в коллективе, преданности предприятию и т. д. Вот как определяет первоочередные задачи, стоящие перед корпорацией «Дюпон», её президент Джон Крол: «На первом месте стоит задача вдохнуть энтузиазм и энергию в тех, кто работает в компании; на втором месте — забота об удовлетворении потребностей и запросов потребителей; на третьем месте — ответственность перед акционерами и инвесторами» [13]. Другой пример. Председатель группы «Самсунг» Ли Хун Хи разработал целый философский трактат, который подлежит изучению каждым работником. А таковых более 250 тысяч человек, работающих более чем в 60 странах мира. В трактате определяются следующие цели: качество ставится выше количественных показателей; новый стиль менеджмента, дающий большую самостоятельность подразделениям и небывалую инициативу каждому сотруднику. При этом всех членов своей «семьи «Самсунг»» председатель призывает соблюдать высокие нормы «человеческой морали, этики, к повышению уровня интеллекта и культуры, к познанию и уважению обычаев, нравов и поряд-

ков в странах, где работает группа». Но призывы мало чего стоят, если за ними не стоят конкретные дела. Однако в Корее «Самсунг» вложил 30 млн долларов и возвёл два завода вместе с соцжилкомплексом специально для трудоустройства только инвалидов [14].

3. Планирование социального развития различных объектов — от предприятий до городов и регионов — в советское время носило характер «моды». Нередко эти планы в красивых переплётах украшали кабинеты руководителей предприятий, секретарей горкомов и обкомов партии, свидетельствуя, что их владельцы идут в ногу со временем, тесно связаны с новейшими научными разработками. Но до реализации в жизнь намеченных в планах мероприятий дело не доходило, так как применяемый в управлении территориально-отраслевой принцип во главу угла ставил ведомства как основных держателей фондов и финансов. Не предприятия, местные и региональные власти определяли социальное развитие объектов управления, а ведомства. И зачастую намеченные в планах социального развития мероприятия просто «провисали в воздухе», так как ведомство не финансировало их реализацию. Сейчас ситуация резко изменилась. Государство «освободило» себя от обязанностей не только финансировать социальное развитие, но порой и от необходимости платить зарплату. Поэтому предприятия и местные органы власти получили возможность проявлять максимум инициативы в изыскании возможностей финансового обеспечения именно тех направлений, которые для них архиважны, от чего зависит возможность их функционирования и развития. Современный этап развития России связан со скудностью средств, которая с неизбежностью ставит проблему выбора наиболее жизненно необходимых точек приложения ресурсов в интересах управляемого объекта. Рачительный хозяин точно знает, куда именно нужно вложить финансы, чтобы объект мог не только выжить, но и развиваться далее. Естественно, речь идёт о хозяине, а не «хапуге», стоящем у власти и заботящемся о собственным благополучии. Полученная свобода от диктата государства даёт возможность и местным органам власти пополнить бюджет района либо города за счёт предприятий и ведомств, находящихся на их территории и облагаемых солидным «оброком» за пользование землёй и всей инфраструктурой (жильё, транспорт, услуги и т. д.). Полученные средства как раз и могут обеспечить меропр-

ятия, направленные на социальное развитие управляемого объекта в интересах населения.

4. Если обратиться к объектам и субъектам научного управления обществом (а следовательно, и социального планирования), то важнейшими из них являются люди, вся совокупность людей социума. Поэтому при разработке планов социального развития без этих субъектов обойтись нельзя. Прежде всего потому, что эти планы должны разрабатываться для людей, в интересах народа. Но когда мы говорим «народ», мы должны не забывать, что это не какая-то однородная масса, а совокупность социальных общностей, больших социальных групп и классов, различных социальных слоёв, страт и малых групп, представляющих всю палитру социально-стратификационной структуры. Все они имеют определённые общие интересы, но в то же время у них есть свои, специфические материальные и духовные потребности и интересы.

5. Получить же эту информацию, выявить эти потребности, ценностные ориентации, жизненные планы и т. д. невозможно без глубоких социологических исследований. Речь идёт о получении достоверной, т. е. научно обоснованной информации. Развитые страны Запада уже переросли рамки постиндустриального общества и стремительно движутся к информационному обществу. Тезис: «кто владеет информацией, тот владеет миром» — уже стал реальностью. Поэтому нельзя управлять обществом, не имея информации о происходящих в нём процессах.

6. И если процесс демократизации в России не повернёт вспять, то члены общества будут иметь возможность как участвовать в разработке планов социально-экономического развития объектов различного уровня управления, так и контролировать реализацию их через своих избранных представителей.

7. Социальное планирование предполагает комплексное решение проблемы и участие в процессе реализации плана не отдельных субъектов, а всех субъектов управления. Попытаемся раскрыть этот тезис на одном конкретном примере. Думается, что это предполагает необходимость разработки планов со-

циально-экономического развития не только предприятий городов и регионов, но и государственной Программы социального развития страны в целом, что потребует объединения усилий как специалистов субъектов управления, так и представителей науки (от социологов и экономистов, правоведов, политологов и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Методология** и методика социального планирования. М., 1987.
2. **Энциклопедический социологический словарь** / Общ. ред. Г. В. Осипов. М.: ИСПИ РАН, 1995.
3. **Социологический энциклопедический словарь** / Ред.-коорд. Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 1998.
4. **Конституция Российской Федерации**. СПб., 1997.
5. **Аргументы и факты**. 1990. № 6.
6. **Известия**. 1997. 27 октября.
7. **Менеджмент в России и за рубежом**. М., 1999. № 5.
8. **Котлер Ф.** Основы маркетинга. СПб.: АО «Коруна», 1994.
9. **Тощенко Ж. Т.** Социология. М.: Прометей, 1994.
10. **Тощенко Ж. Т.** Социология. М.: Прометей, 1999.
11. **Кравченко А. И.** Социология менеджмента. М.: Юнити, 1999.
12. **Шепель В. М.** Человековедческая компетентность менеджера. М.: Народное образование, 1999.
13. **Известия**. 1997. 2 октября.
14. **Известия**. 1997. 26 сентября.

ОБ АВТОРЕ



Баимбетов Альберт Апушевич, проф. каф. социологии и политологии. Действ. член Академии гуманитарных наук (СПб). Дипл. юрист-правовед (ЛГУ, 1964). Канд. филос. наук (ИСИ АН СССР, 1977), д-р социол. наук (КазГУ, 1990). Исследования в обл. проблем социального управления и планирования.